

Финно-угры и балты в эпоху средневековья

Археология СССР т.17

Ф60 Финно-угры и балты в эпоху средневековья: Археология СССР т.17 / – М.: Книга по Требованию, 2023. – 522 с.

ISBN 978-5-458-34190-5

В книге собран и научно систематизирован материал по двум крупным этносам - финно-уграм и балтам, заселявшим в эпоху средневековья значительные пространства Северо-Восточной Европы - от побережья Балтийского моря на западе, до бассейна Оби на востоке. В основе исследования лежат тысячи археологических памятников и огромный вещевой материал, полученный в результате раскопочных работ на протяжении более 150-ти лет. Широко используются письменные источники и данные смежных наук. Результатом исследования является реконструкция конкретной истории каждого из финно-угорских и балтских племен раннего средневековья и условий формирования средневековых народностей. Подробно характеризуются поселения, жилища, быт и хозяйство, а также социальные отношения, обычаи и верования средневековых племенных образований финно-угров и балтов. Средневековая культура многих финно-угорских и балтских этносов развивалась в тесном взаимодействии с древнерусской культурой. Некоторые из финно-угорских племен вошли в состав государственной территории Древней Руси, в результате в отдельных регионах Восточной Европы сформировался славяно-финский симбиоз. Поэтому проблеме культурных контактов восточного славянства с соседними племенами в томе уделено много внимания.

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Введение

Обширнейшие пространства лесной зоны Восточной Европы от побережья Балтийского моря на западе до Уральских гор на востоке и далее западно-сибирские земли, охватывающие бассейн среднего и нижнего течения р. Оби, с глубокой древности заселяли два этноязыковых массива — финно-угры и балты. Они принадлежат к различным, породственным языковым семьям. Финно-угорские племена и народности вместе с самодийскими составляют уральскую языковую семью. Балты же вместе с родственными по языку и происхождению славянами, германцами, кельтами, италиками, иллирийцами и другими этносами являются индоевропейцами. Описание средневековых древностей финно-угорских и балтских племен вместе в настоящем томе обусловлено исключительно географическими соображениями — они были давними соседями и находились в самых тесных контактах.

Балтские племена в средние века заселяли области юго-восточной Прибалтики, примерно от Калининградского полуострова до Рижского залива, включая значительные части бассейнов Немана и Западной Двины. Более северные и северо-восточные территории от побережья Балтики и Ботнического залива до нижнего и среднего течения Оби включительно принадлежали различным финно-угорским племенам.

И европейская и азиатская части территории расселения средневековых финно-угорских и балтских племен характеризуются равнинностью. В Европе — это северные части Русской равнины, в Азии — Западносибирская низменность. Уральские горы разграничивают эти земли. В отдельных местах Русской равнины наблюдаются конечцо-моренные возвышенности, чередующиеся с песчаными или болотистыми низинами и озерами. Таковы Прибалтийская возвышенность, сглаженная водораздельная возвышенность между бассейнами Волги и Северной Двины. На северо-востоке Европы находятся Вятский и Верхне-Камский тектонические валы.

Наиболее крупными реками севера Русской равнины являются Неман и Западная Двина, принадлежащие к бассейну Балтийского моря, Северная Двина, образуемая из рек Сухоны и Юга и выходящая в Белое море. Финно-угорский ареал захватывает значительную часть Волжского бассейна, в том числе Прикамье целиком. Крупнейшей рекой азиатской части этого ареала является Обь.

Почвы региона — подзолистые и дерново-подзолистые. Первые формируются под хвойными «северотелесными» и «среднетелесными» лесами с моховым напочвенным покрытием и занимают весь север Русской равнины и бассейн среднего и отчасти нижнего

течения Оби. Эти малоплодородные почвы часто перемежаются с массивами болот и заболоченных почв.

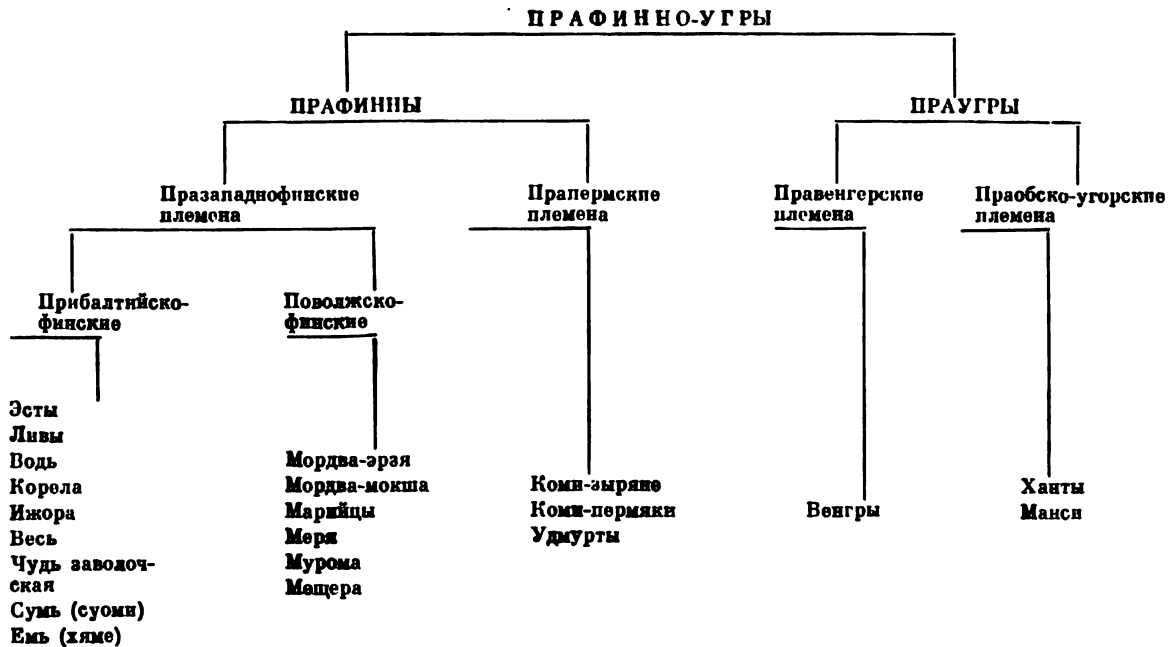
Дерново-подзолистые почвы свойственны зоне хвойных лесов, чередующихся со смешанными лесами. Здесь обычен травяной напочвенный покров. Такие почвы и леса, также местами заболоченные, свойственны обширным пространствам северной половины Русской равнины.

К началу средневековья финно-угры в языковом и культурном отношении были дифференцированы на множество племен и племенных группировок. Древние племена, говорившие на едином финно-угорском языке-основе в период своей общности, жили несколько тысячелетий назад, в эпоху камня. Вопрос о том, где, когда и в каких конкретных условиях сложилась финно-угорская общность, активно обсуждается в научной литературе как среди языковедов (Castren M. A., 1857; Кёппен Ф. П., 1886; Setälä E. N., 1926, S. 120—189; 1932; Toivonen J. N., 1953, S. 3—41; Itkonen E., 1950, S. 2—24; 1969, S. 303—306; Hajdu P., 1969; 1975; Казанцев Д. Е., 1979), так и археологов (Aspelin J. R., 1875; Allio J., 1922; Tallgren A. M. 1924; Третьяков П. Н., 1966, с. 14—62; Халиков А. Х., 1967, с. 9—36; Бадер О. Н., 1972, с. 10—31; Laslo D., 1960, S. 416—419; Ласло Д., 1971, с. 7—9). Большинство исследователей склоняются к мысли о формировании финно-угорской языковой общности в Волго-Камье с прилегающими областями Среднего Приуралья.

Общими для всех финно-угорских языков в настоящее время являются унаследованные от прафинно-угорского языка-основы некоторые элементы спряжения, склонения и словообразования, а также несколько сотен общих лексем. Расселение финно-угорских племен на обширнейшей территории и взаимодействие их с различными племенами иных языковых семей привело к дифференциации финно-угров. Финно-угорские языки и диалекты далеко разошлись друг от друга как по грамматическому строю, так и по составу лексики и фонетическим особенностям.

К глубокой древности относится отделение восточной ветви финно-угров, легшей в основу угорских языков и племен. В дальнейшем от остального массива прафинно-угорского языка отделилась сначала пермская группировка (пракамско-финские племена) и позднее дифференцировались еще две группировки — прибалтийско-финская и новолжско-финская. Общая схема эволюции финно-угорского этноса (Языки народов, 1966; Основы финно-угорского языкознания, 1974, с. 18—54) дается ниже.

Отдельные главы первой части настоящей книги посвящены основным этноязыковым группировкам

финно-угров — прибалтийско-финской, поволжско-финской, камско-финской (или пермско-финской), обско-угорской и венгерской. В средневековые эти крупные финно-угорские группировки уже не были едиными, а состояли из нескольких различных в культурном отношении племенных образований (карта 1), на основе которых формировались ранние народности.

При характеристике прибалтийско-финских племен и народностей за пределами исследования остались древности финнов-суоми (летописные сумь и емь), поскольку они проживают вне пределов СССР. По этой же причине не рассматриваются венгерские археологические материалы Среднего Подунавья. В разделе «Венгры» речь идет о древностях второй половины I тысячелетия н. э. Восточной Европы, связанных с проживанием здесь древних венгров и их продвижением в Паннонию. Западносибирские древности угорских племен анализируются вместе с самодийскими. Это обусловлено тем, что при современном состоянии археологических знаний этническая атрибуция культур и древностей во многих местах дискуссивна.

В основе настоящей работы лежат материалы археологии. Данные других наук — лингвистики, истории, антропологии, топонимики и этнографии — привлекаются как вспомогательные источники для более полного понимания тех или иных историко-культурных или этнических вопросов.

Начало научной систематизации средневековых археологических материалов по финно-угроведению было положено прекрасным изданием «Атлас финно-угорских древностей» финского ученого И. Р. Аспелина (Aspelin J. R., 1877; 1878; 1880; 1884). Этот труд не потерял своего научного значения и поныне, им постоянно пользуются исследователи финно-угроведы.

Последние десятилетия XIX в. и особенно XX столетие характеризуются бурным накоплением архео-

логических материалов на всей территории расселения финно-угорских племен и народностей. Финно-угорские древности пополняли коллекции множества музеев и научных учреждений. По мере сбора и накопления материалов в научной литературе появлялись их публикации, большое количество исследовательских статей и монографий. Однако все они без исключения охватывали не весь средневековый финно-угорский мир, а его отдельные, более или менее крупные части — отдельные археологические культуры или их группы в пределах какого-либо региона, отдельные племена или их группы в пределах опять-таки сравнительно небольшого региона.

Здесь нет места для характеристики всей этой обширной литературы. Она названа и проанализирована довольно подробно в соответствующих разделах настоящей книги. Можно отметить только, что наиболее значительный вклад в изучение археологии средневековых финно-угров внесли своими трудами А. А. Спицын, А. М. Тальгрэн, Х. А. Моора и А. П. Смирнов.

Следует упомянуть здесь сводную работу Л. А. Голубевой, посвященную зооморфным украшениям финно-угров (Голубева Л. А., 1979б). Она дает возможность лучше понять духовный мир средневековых племен. Для познания духовной культуры финно-угорского населения интерес представляют и работы Б. А. Рыбакова (Рыбаков Б. А., 1976, с. 57—63; 1979, с. 7—34).

Плодотворно и многосторонне разрабатывалась проблема контактов финно-угорского этнического массива со славянами. Установлено активное участие финно-угорского субстрата в формировании восточно-славянского населения и культуры северо-западных и северо-восточных земель Древней Руси (Седов В. В., 1966б, с. 246—251; 1982, с. 158—196; Рябинин Е. А., 1979, с. 93—102; 1981а).

Большое значение для финно-угорской археологии, в том числе той ее части, которая относится к

средневековой поре, имеют международные финно-угорские конгрессы. С ними связаны важные обзоры работ и анализы состояния изученности тех или иных вопросов финно-угроведения (Советское финно-угроведение, 1980а, с. 5–50; 1980б, с. 8–29; 1985, с. 8–59; Седов В. В., 1983, с. 3–11).

Можно упомянуть здесь также целостные монографические исследования по финно-угорским племенам, написанные в последние десятилетия и основанные на материалах лингвистики, этнографии и антропологии, без которых невозможны полнокровные археологические изыскания. Это труд венгерского ученого-языковеда П. Хайду (Hajdu P., 1975), финского исследователя Т. Вуорела (Vuorela T., 1964), обобщившего этнографические материалы, и советских антропологов К. Марк (Mark K., 1970) и В. П. Алексеева (Алексеев В. П., 1969, с. 66–161).

В книге «Древние культуры уральских народов» (Ancient Cultures, 1976) дается краткая характеристика материальной и духовной культуры древних финно-угорских племен по данным этнографии, фольклористики и в меньшей степени археологии. Все издание носит популярный характер.

После атласа И. Р. Аспелина настоящая работа является первой попыткой собрать, научно систематизировать и монографически осмыслить все накопленные к настоящему времени археологические материалы VI–XIV вв. по финно-угорским племенам в раннесредневековым пародностям.

Вторая часть книги, как уже говорилось, отведена средневековым древностям балтов. Ныне к балтским народностям принадлежат литовцы и латыши. Записан и исследуется языковедами также прусский язык, исчезнувший в результате немецкой колонизации. Самоназвания у рассматриваемой этноязыковой общности нет, этноним *балты* — неологизм кабинетного происхождения, употребляемый в научной литературе с середины XIX в. и по своему происхождению связанный с Балтийским морем.

В античных и средневековых исторических источниках балты именуются айстами-аестями (Frischke E., 1950, S. 19–22). Еще П. Н. Шафарик показал, что последний этноним относится к балтской этнической общности — так называли германцы своих восточных соседей. Это было признано большинством исследователей. Правда, некоторые ученые (К. Яунус, К. Буга) предпочитали употреблять вместо этнонима *балты* их древнее название *айсты*, что, однако, не было поддержано другими.

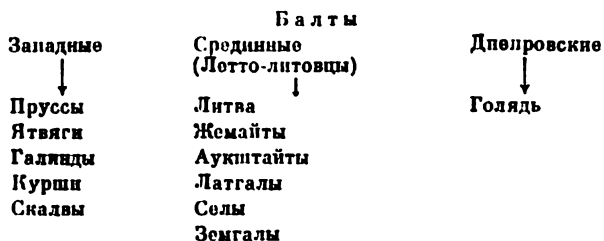
Иордан в сочинении «Getika» (середина VI в.) отводит аестям значительные пространства Восточной Европы. Они жили, с одной стороны, по берегам Балтийского моря, где соседями с видвариями — обитателями низовьев Вислы; с другой стороны — соприкасались с тюркским племенем *акациры*, обитавшим в бассейне нижнего течения Дона (Иордан, 1960, с. 72, 90; Седов В. В., 1970б, с. 47, 48; 1978, с. 12, 13). В VI в. этноним *айстии* (*остии*) фигурирует в англосаксонском переводе произведения Орозия. Аестиев упоминает также биограф Карла Великого Эйнгарт. Последний раз они называются в сочинении скандинавского путешественника Вольфстана (890 г.), но эти известия не прибавляют нового к локализации айстов Иорданом.

Древнерусские летописи называют отдельные племена балтов — литву, жмудь, летголу, зимголу, корсь, пруссов, ятвягов и голядь.

Формирование этноязыковой общности балтов лингвисты относят ко II тысячелетию до н. э. (Моора Х. А., 1958, с. 9–33; Седов В. В., 1980, с. 14–21; Maziulis V., 1970; Zinkevičius Z., 1984).

Судя по материалам современной и исторической диалектологии, уже в конце этого тысячелетия балты дифференцировались на три крупные диалектно-племенные группировки — западную, среднюю и днепровскую. К началу средневековья в результате эволюции и членения первой группировки образовались пруссы, ятвяги, галинды, курши, скалвы. К средней (или лето-литовской) группировке принадлежат средневековые племенные образования — литва, жемайты, аукштайты, латгалы, земгалы и селы (см. схему).

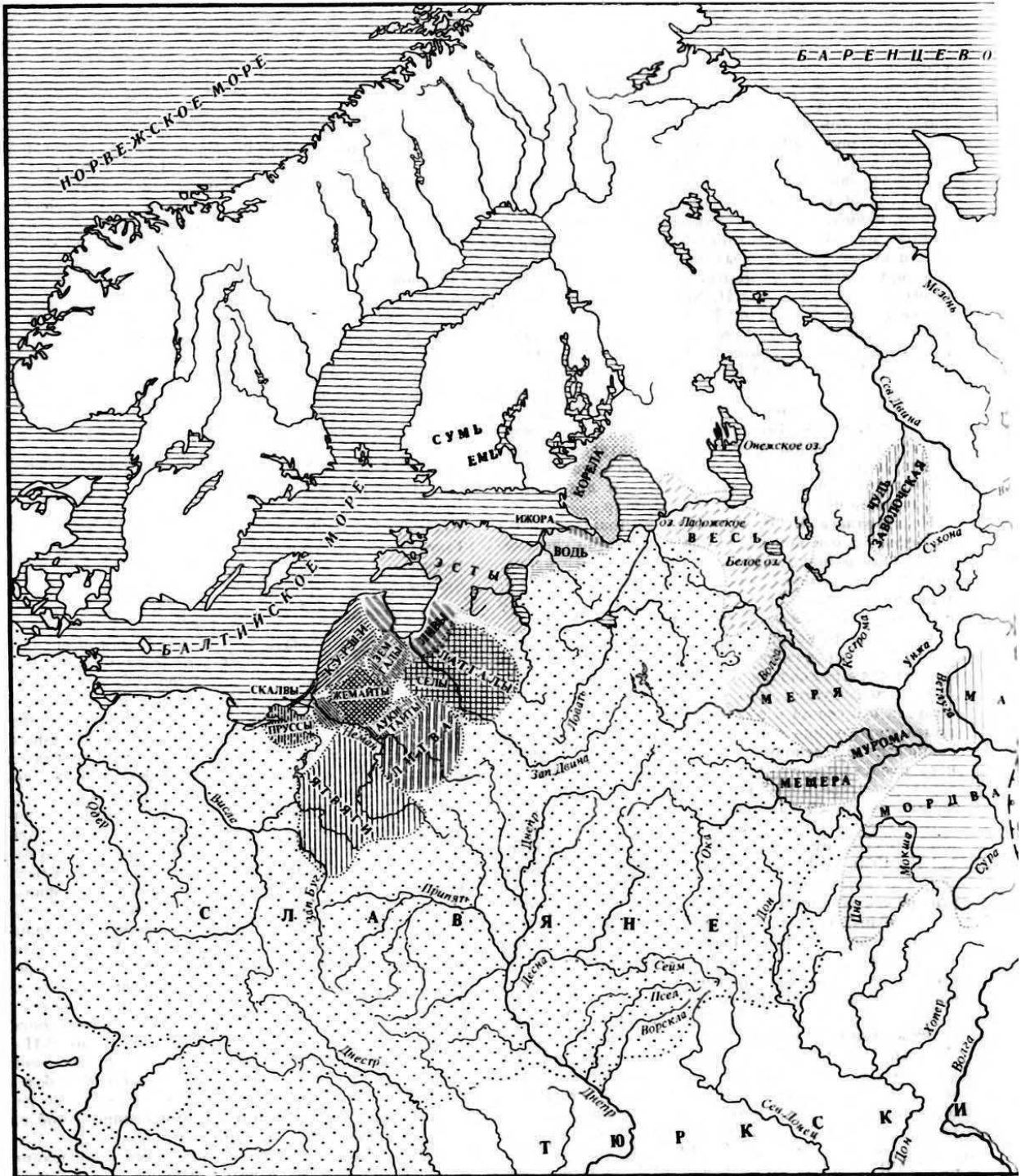
СХЕМА ЭВОЛЮЦИИ БАЛТОВ

Днепровские балты заселяли области Верхнего Поднепровья со смежными территориями Западно-Двинского и Окского бассейнов (Седов В. В., 1985, с. 20–29). Племенные названия их в основном неизвестны, исключение составляет голядь, упоминаемая русской летописью, а еще раньше Иорданом.

Раннесредневековая история днепровских балтов переплетается с восточнославянской. Племена днепровских балтов в самом начале средневековья представлены археологическими культурами — тушемлинско-банцеровской, колочинской и мощинской. Начиная с VI в. н. э. на их территории фиксируются славянские культурные элементы, свидетельствующие о начале инфильтрации славян. За инфильтрацией последовало расселение славян, значительные массы славянского населения постепенно осваивают земли днепровских балтов. В VIII–IX вв. начинается славянизация местного населения. В результате происходят существенные сдвиги в развитии культуры Верхнего Поднепровья и соседних областей Западно-Двинского и Окского бассейнов. Ассимиляционный процесс продолжался до XII–XIII вв. При этом какое-то время среди основной массы славянского населения сохранялись небольшие островки балтов. Балтский субстрат этого региона оказал воздействие на формирование одной из восточнославянских народностей — белорусов (Седов В. В., 1970б, с. 162–190). Следы проживания днепровских балтов является сравнительно мощный слой гидронимии, выявляемой исследователями на всей территории их проживания (Vasmer M., 1932, S. 637–666; Топоров В. Н., Трубачев О. И., 1962).

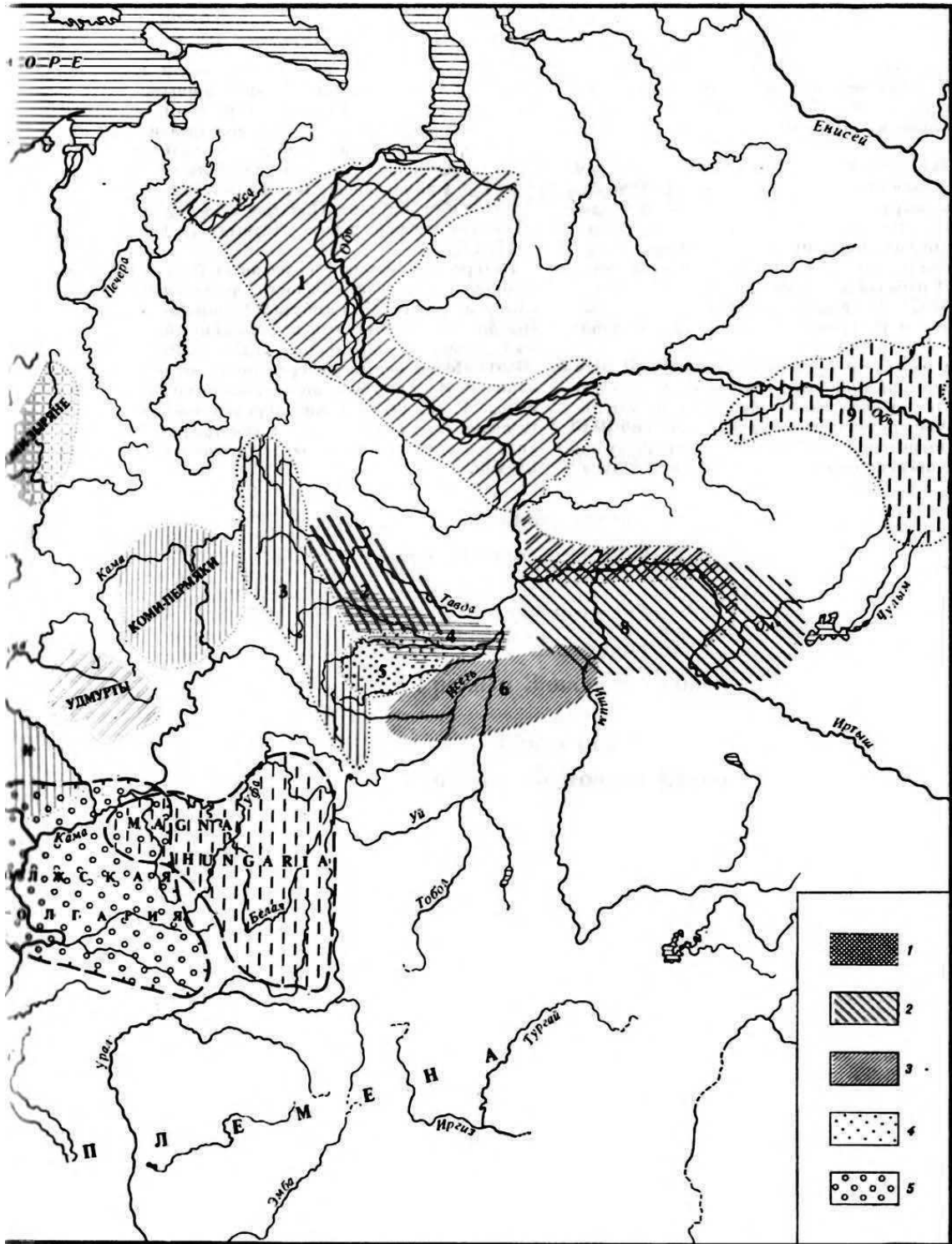
Поскольку начало средневековья в ареале днепровских балтов характеризуется тесным славяно-балтским взаимодействием и славянизацией их,

Карта 1. Финно-угры и балты в раннем средневековье (цифры на карте)

1 — памятники кинтусовского типа; 2 — юдическая культура; 3 — памятники петрогромского типа; 4 — памятники молчановского типа; 5 — памятники макушевского типа; 6 — ба-

кальская культура; 7 — усть-ишимская культура; 8 — потчевашская культура; 9 — памятники Томско-Нарымского междуречья X—XIII вв.

Условные обозначения легенды:
 1 — балты; 2 — финноязычные племена; 3 — угорские племена; 4 — славяне; 5 — болгары

древности Верхнего Поднепровья и смежных областей Западно-Двинского и Окского бассейнов рассмотрены были в томе «Археологии СССР», посвященном восточным славянам (Седов В. В., 1982, с. 29—45).

Каждый из разделов, посвященных отдельным племенным образованиям средневековых балтов, содержит историографический очерк. Здесь необходимо назвать только исследования, охватывающие средневековый балтский мир в целом. Одно из первых обобщений археологического материала юго-восточной Прибалтики принадлежит Ф. Крузе (Kruze F., 1842). Ко второй половине XIX в. принадлежат работы К. Гревингга (Grewingk C., 1865; 1884).

Древности балтов за пределами Прибалтики в то время еще не были выявлены. Введенные в научный оборот памятники днепровских балтов и значительное пополнение средневековых археологических коллекций с территории юго-восточной Прибалтики потребовали прежде всего их научной систематики

по отдельным регионам. Середина и вторая половина XX в. и характеризуются ценными исследованиями по средневековым древностям отдельных более или менее крупных регионов ареала балтского расселения. Среди них наиболее значительными являются «Очерки по археологии Литвы» (Kulikauskas P., Kulikauskienė R., Tautavičius A., 1961), «Археология Латвии» (Latvijas arheologija, 1974) и «Археологический атлас Литвы» (Atlasas, 1975; 1977; 1978).

Интересным обзором археологии балтов в целом, начиная с глубокой древности, является научно-популярная книга М. Гимбутас (Gimbutas M., 1963). Недавно переработанный и дополненный вариант ее был издан на литовском языке (Gimbutienė M., 1985). Несомненный интерес представляет исследование Р. Я. Денисовой по антропологии балтов (Денисова Р. Я., 1975). Таким образом, настоящая книга является первой попыткой монографического анализа всех средневековых древностей балтских племен.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Финно-угры

Глава первая
Прибалтийские финны

Глава вторая
Поволжские финны

Глава третья
Прикамские финны

Глава четвертая
Угры и самодийцы
Урала и Западной Сибири

Глава пятая
Венгры в Восточной Европе

Глава первая

Прибалтийские финны

К прибалтийско-финской этноязыковой группе принадлежат эстонцы, финны (суоми), карелы, ливы, воль, ижорцы и венсы. Их языки довольно близки между собой и составляют отдельную группу финно-угорской языковой семьи, восходя к существовавшему в древности прибалтийско-финскому языку-основе (Аристе П. А., 1956, с. 5—27).

По древнерусским летописям и материалам археологии выделяются следующие раннесредневековые прибалтийско-финские племени образования: эсты (в летописях — чудь), заселившие области современной Эстонии; емь (хяме) и сумь (суоми), жившие в южной части Финляндии и составившие основу современной финской народности; корела — в северо-западном Приладожье и на Карельском перешейке; ливы, которым принадлежала Видземе — северо-западная часть современной Латвии, низовья р. Даугавы и северная часть Курземе; воль, обитавшая в северо-западных районах новгородской земли южнее Финского залива и восточнее Чудского озера; ижора — на р. Неве и южнее ее; весь — в юго-восточном Приладожье и Белоозерском крае и чудь заволочская, занимавшая северо-восточные земли Новгородского государства.

Прибалтийско-финские племена в древности заселяли также коренные области Новгородской и Псковской земель. Расселившиеся здесь в середине I тысячелетия н. э. славяне смешались с ними, постепенно местные племена оказались славянизированными. Древнейшие погребальные памятники словен ильменских и кривичей псковских содержат отчетливые элементы, восходящие к прибалтийско-финскому субстрату (Седов В. В., 1970а; 1974; 1982, с. 46—86). По-видимому, остатками древнего прибалтийско-финского населения Новгородско-Псковской земли является небольшая этнографическая группа сету, заселяющая регион, примыкающий к Псковскому озеру с юго-запада. В языковом отношении сету ныне принадлежат к вырусскому диалекту южноэстонского наречия, а в этнографическом — самобитны (Рихтер Е., 1959, с. 396—408).

Таким образом, до славянского расселения прибалтийско-финское население занимало довольно обширное пространство северо-запада Восточной Европы от побережья Балтийского моря до Белоозерья включительно, достигая на юге Западной Двины и бассейна верхнего течения Волги. На всей этой территории отчетливо сохранился слой гидронимии прибалтийско-финских типов (Vasmer M., 1934, S. 351—440).

Общих работ по средневековой археологии прибалтийских финнов до сих пор не было написано. В этом отношении заслуживает внимания интереснейший обзор Х. А. Моора, касающийся древности

западной части прибалтийско-финских племен и написанный в связи с изучением этногенеза эстонского народа (Моора Х. А., 1956, с. 123—141).

Вопрос о том, когда, где и в каких условиях сложилась прибалтийско-финская этноязыковая общность, давно занимает исследователей. Анализ развития представлений по этой теме в среде лингвистов сделан эстонским ученым П. А. Аристе (Аристе П. А., 1956, с. 5—11). Наиболее основательной является гипотеза финского лингвиста Э. Н. Сетяля (Setälä E. N., 1926), уже упоминавшаяся ранее. Этот исследователь полагал, что начало формирования прибалтийско-финских племен относится к последним векам I тысячелетия до н. э., когда их предки отделились от поволжских финнов и приблизились к Балтике. Здесь и сформировался общеприбалтийско-финский язык, существовавший до VIII в. н. э., когда началась его дифференциация на отдельные языки.

Теория Э. Н. Сетяля имеет много сторонников, в частности к ним принадлежал и такой крупный специалист по прибалтийско-финскому языкознанию, как Д. В. Бубрих (Бубрих Д. В., 1947).

На основе данных археологии проблему формирования прибалтийских финнов пытался осветить А. М. Тальгрэн (Tallgren A. M.; 1922, S. 124—127; 1926). Им был избран ретроспективный метод, однако исследователь находился под влиянием лингвистической гипотезы Э. Н. Сетяля, а собственно археологических фактов для самостоятельного освещения вопроса было недостаточно. А. М. Тальгрэн попытался на некоторых археологических данных подтвердить мысль Э. Н. Сетяля о том, что предки прибалтийских финнов переселились в Прибалтику в последних веках I тысячелетия до н. э., отделившись от своих поволжских соплеменников, которые в археологическом отношении характеризуются дьяковскими памятниками. В Прибалтике, по мнению А. М. Тальгрэна, финны-пришельцы застали германское население, в результате культура их под германским воздействием претерпела серьезные изменения.

Еще раньше о появлении прибалтийско-финских племен в Прибалтике на рубеже нашей эры и о взаимодействии их с якобы обитавшим здесь германским населением писал А. Гакман (Hакман А., 1905; Ebert M., 1925, S. 338). А. Фриденваль придерживался мнения, что прибалтийско-финские племена достигли Балтики только в середине I тысячелетия н. э. (Ebert M., 1928—1929, S. 29).

С гипотезой А. М. Тальгрэна не согласился большинство археологов, в том числе Ю. Айло, А. Яюрьяля, А. Я. Брюсов, Х. А. Моора. Поскольку археология не фиксирует заметного продвижения на-

селения из Поволжья в Прибалтику в конце I тысячелетия до н. э. и в первые века нашей эры, исследователи стали вести поиски в Прибалтике однородной материальной культуры, в условиях которой могла сложиться прибалтийско-финская языковая общность.

Согласно представлениям эстонского археолога Л. Ю. Янитса, таковой была прибалтийская культура типичной гребенчато-ямочной керамики (Янитс Л. Ю., 1956, с. 142—171; 1975, с. 416—421). Эта культура распространилась в III тысячелетии до н. э. на всей территории, которую в раннем средневековье заселяли прибалтийско-финские племена. Этот факт послужил основой для утверждения о том, что прибалтийская культура типичной гребенчато-ямочной керамики соответствует общеприбалтийско-финскому этносу, носители этой культуры и образовали ту ветвь финно-угров, которая и была прибалтийско-финской языковой общностью.

С этим мнением согласился Х. А. Моора (Моора Х. А., 1956, с. 64), П. Н. Третьяков (Третьяков П. Н., 1966, с. 59—61) и некоторые другие археологи.

Однако предположение о формировании прибалтийско-финской этноязыковой общности в условиях неолитической культуры с типично гребенчато-ямочной керамикой во многом неприменно. Эта культура является сравнительно кратковременным формированием. Уже в конце III тысячелетия до н. э. на ее территории образуется несколько различных поздне-неолитических культур, а позднее, на рубеже неолита и эпохи ранней бронзы, складываются опять-таки разнохарактерные культурные группировки. В связи с этим трудно допустить, что в условиях прибалтийской культуры типичной гребенчато-ямочной керамики смогла сформироваться устойчивая этноязыковая общность. К тому же область формирования прибалтийско-финского языка и этнической общности совсем не обязательно должна соответствовать или приближаться к территории позднейшего расселения племен, выпедших из этой общности.

Исследователи, допускающие формирование прибалтийско-финского языка-основы в условиях названной неолитической культуры, не в состоянии объяснить тесную языковую связь прибалтийских финнов с поволжскими. Языкознание же неоспоримо свидетельствует о существовании в древности финско-волжской или, как еще ее называют, западно-финской общности, из которой позднее вышли на востоке поволжско-финские, а на западе — прибалтийско-финские языки.

В этой связи автором настоящих строк была предложена гипотеза о формировании прибалтийско-финской этноязыковой общности в условиях внутрирегионального взаимодействия финско-волжского населения — носителей культуры текстильной керамики с расселившимися среди них в эпоху раннего железа племенами культуры штрихованной керамики (Sedov V. V., 1980b, S. 429—438). Прибалтика оказалась заселенной финно-угорским этносом уже в эпоху камня, но это были не прибалтийские финны. Судя по данным археологии и лингвистики, между древнейшими племенными образованиями финно-угров и современными языковыми группами

имели место промежуточные этнодиалектные формирования.

Культуру текстильной керамики, по-видимому, нужно связывать с финно-волжской общностью. Изучение текстильной керамики памятников эпохи раннего железа Прибалтийского региона показывает, что для нее характерны те же существенные признаки, что и для всего ареала этой керамики, в том числе дьяковской. Вместе с тем памятники Прибалтийского региона отличаются от поволжских тем, что в них постоянно присутствует наряду с текстильной штрихованная керамика, отражая инфильтрацию или миграцию индоевропейского (балтского или иного близкого балтам) населения. Хорошо известно, что во всех прибалтийско-финских языках отчетливо проявляется балтское (или индоевропейское, близкое балтам) воздействие, которое сказывается не только в лексике, но и в какой-то степени в грамматике и фонетике (Аристе П. А., 1956, с. 11—14; 1975, с. 14—18). Внутрирегиональное взаимодействие местного населения с посетителями культуры штрихованной керамики и привело к отрыву прибалтийских финнов от поволжских и сложению прибалтийско-финского языка и общности.

Эсты

Эсты заселяли северо-западную окраину Восточноевропейской равнины на восточном побережье Балтийского моря и острова Моонзундского архипелага (современные области Эстонской ССР).

Начало научных изысканий по археологии эстов относится к 30—40-м годам прошлого столетия, когда были основаны в Тарту Ученое эстонское общество (1838 г.), в Таллине Эстляндское литературное общество (1842 г.) и Центральный музей отечественных древностей при Тартуском университете (1843 г.). По инициативе этих учреждений стали производиться раскопки каменных и грунтовых могильников, было положено начало музейным археологическим коллекциям.

Вскоре возникли и местные музеи в Нарве (1864 г.), Курессааре (ныне Кяриксепп, 1865 г.), Вильянди (1881 г.), Пярну (1895 г.), Пайде (1904 г.).

В XIX и начале XX в. в различных местах Эстонии было раскопано несколько могильных памятников. Многие из этих раскопок несовершенны; выявлены далеко не все детали погребального ритуала. Наиболее результативными оказались раскопки Я. Холцмайера и Р. Гаусманна каменных могильников Пяэлда, Мяла, Лээдри и Орикюла, относящихся ко второй половине I тысячелетия и началу II тысячелетия н. э. (Holzmayer J. B., 1981, lk. 16—37; Naismann R., 1889, S. 122—129; 1909, S. 21).

Большая и плодотворная работа была проведена по сбору сохранившихся среди местного населения преданий об археологических памятниках Эстонии (Jung J., 1898; 1899; 1910). Были опубликованы первые каталоги археологических вещей находок (Kruse F., 1842; 1856; Hartmann H. E., 1871; Hansen G., 1875). Эстонские материалы стали составной частью «Атласа финно-угорских древностей» И. Р. Аспелина (Aspelin J. R., 1884).

Вместе с накоплением археологических материалов были сделаны первые шаги по их историческому осмыслению. Так, на основе материалов, полученных при раскопках, профессор Тартуского университета К. Гревингк делает попытку членения погребений на типы и определения дат археологических находок. Им была разработана первая периодизация древней истории Прибалтики. Этот исследователь занимал и правильную позицию в этнической атрибуции средневековых памятников Эстонии, полагая, что они принадлежат эстам (Grewingk C., 1874—1877; 1887, S. 153—177).

Заметный вклад в изучение средневековых древностей Эстонии внос Р. Гаусманн. В его трудах археологические материалы Прибалтики получили научную систематизацию, могильные памятники подразделены на типы, при этом были отмечены различия между ранними и поздними каменными могильниками эстов (Haussmann R., 1896a; 1896b; 1910). В историографии археологии Прибалтики нельзя не назвать и работ немецкого исследователя М. Эберта, в которых широко стал применяться типологический метод анализа (Ebert M., 1913, S. 498—559).

В 1920—1940-е годы были заложены основы эстонской национальной археологии. Организационным центром эстонской археологии становится университет в Тарту, при котором в 1920 г. основывается кафедра археологии, а в следующем году и кабинет археологии, реорганизованные позднее в Институт с музеем. Первым руководителем кафедры в 1920—1923 гг. стал финский археолог А. М. Тальгрэн. В это время были подготовлены молодые кадры эстонских археологов.

В обобщающем труде по археологии Эстонии А. М. Тальгреном (Tallgren A. M., 1925) систематизированы и исторически осмыслены материалы, накопленные к тому времени. Было обращено внимание на топографию памятников и их связь с природными условиями. Вещевой материал из памятников средневековья подвергся хронологическому анализу. Древности эпохи средневековья в результате были дифференцированы на два периода — средний железный век (V—VIII вв.) и поздний железный век (IX—XIII вв.).

В буржуазный период в Эстонии была проведена большая организационная работа по регистрации и учету памятников археологии, что создало предпосылки для дальнейших более углубленных изысканий. На основе собранных материалов написана обзорная публикация о городищах (Laid E., 1923).

В 20—30-х годах на ряде могильников были проведены раскопочные работы, в основном небольшие. В 20-х годах полевые исследования велись еще несколько поверхностно, детали строения памятников и обрядности не получали отражения в отчетной документации. В 30-х годах методика раскопок заметно совершенствуется, а отчетность по ним становится точнее и детальнее. Раскопки могильников в 20—30-х годах вели Х. А. Моора, А. Фриденваль (Friedental A., 1938, S. 147—160), А. Вассар, Р. Индрек, Е. Саадре и М. Шмидехельм.

В 30-х годах проведены были и раскопки на городищах Варбола, (Laid E., 1939, lk. 183—215), Лыхавере (Mooga H., Saadre O., 1939, lk. 139—182),

Иру (Vassar A., 1939, lk. 53—100), Керикмяги в Пееду (Muistse Eesti, 1939, lk. 101—138).

Эстонскими археологами были продолжены историко-культурные и хронологические штудии постоянно пополняемых археологических материалов. В 1932 г. была опубликована сводная работа по археологии Эстонии Х. А. Моора, написанная для широкого круга читателей (Mooga H., 1932). Эстонская археология от простого вещеведения стремилась перейти к историческим обобщениям. В первом томе «Истории Эстонии» (Eesti ajalugu, 1935), охватывающем период от эпохи камня до XIII в. н. э., такая попытка сделана. При этом наряду с археологическими материалами привлечены данные геологии, лингвистики, фольклора и письменных источников.

Наиболее значительные результаты в археологии эстов получены после второй мировой войны, когда Эстония вошла в состав нашей страны. Начинается систематическое изучение памятников археологии, постепенно совершенствуются техника и методика археологических раскопок.

В последние десятилетия много внимания уделяется изучению средневековых городищ эстов. В самом конце 40-х годов возобновляются раскопочные работы на городищах, активно ведущиеся и в 50-е годы. Раскопки велись в Варбола, Отепя, Лыхавере, Иру, Наану, недалеко от Вильянди и др. Материалы этих исследований обширны, и только краткая, предварительная информация о них опубликована Х. А. Моора (Mooga H., 1955, lk. 73—87).

С целью выяснения характера и облика древнего города впервые были произведены раскопки в Таллине (Mooga H., 1953, lk. 167—180; Таракапова С. А., Саадре О. В., 1955, с. 31—45).

Важные материалы для характеристики культуры юго-восточной части Эстонии во второй половине I тысячелетия н. э. дали раскопки, проведенные М. Х. Шмидехельм на городище и прилегающем к нему селенье в Рыуге (Шмидехельм М. Х., 1959, с. 154—185).

К 60—80-м годам принадлежат наиболее крупные раскопочные работы. К тому же они велись совершенной методикой и поэтому являются наиболее результативными и весьма значимыми в научном отношении.

Многочисленными исследованиями были охвачены также крупные древнеэстонские центры, как Тарту (Trummal V., 1964; 1970; lk. 3—32; 1974, lk. 3—37; Труммал В. К., 1971, с. 265—271; Мязсалу А., 1980, с. 375—377; 1981, с. 382, 383) и Отепя (Шмидехельм М. Х., 1968, с. 285). Производились раскопки в различных местах древнего Таллина (Tamn J., 1976, S. 74—76; 1979, S. 385—389; 1980, 391—394; Deemant K., 1979a, S. 390—392). Но наибольшее внимание было уделено раскопочным исследованиям рядовых городищ и укрепленных поселений местной феодализирующей знати. Изучались как городища второй половины I тысячелетия н. э., так и городища XI—XIII вв. Раскопкам подверглись городища Соонтагана (под руководством Э. Ю. Тыниссона) в 35 км северо-западнее г. Пярну (Шмидехельм М. Х., 1968, с. 283, 284; Селиранд Ю. Я., 1969, с. 386; Тыниссон Э. Ю., 1970б, с. 344, 345; 1971, с. 353, 354; 1972б, с. 446, 447), Синналлику в 7 км юго-западнее